

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЮБИЛЕЙ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

В мае 1957 г. исполнилось 900 лет древнейшему крупному датированному памятнику славянской письменности — Остромирову евангелию, получившему свое название по имени новгородского посадника Остромира (середина XI в.), для которого оно и было изготовлено. Судя по записи, имеющейся в нем, работа по переписыванию Остромирова евангелия была начата 21 октября 1056 г. и окончена 12 мая 1057 г.

13—17 мая 1957 г. в Ленинграде состоялись юбилейные открытые заседания Ученого совета Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где хранится рукопись Остромирова евангелия, а также Методического совета Отдела рукописей библиотеки. Библиотекой были организованы выставки литературы об Остромировом евангелии, документов и материалов, отражающих историю его обнаружения и изучения, выставка отдельных его листов (в настоящее время оно расплетено) и остальных старославянских и русских рукописей XI в., хранящихся в Публичной библиотеке. Кроме членов указанных советов, в юбилейных заседаниях приняли участие работники научных учреждений Ленинграда, ученые из Москвы и других городов, а также ученые из Польши, Болгарии, Чехословакии и Югославии.

Вступительное слово о значении Остромирова евангелия — величайшего памятника древнерусской культуры и письменности — произнес директор Публичной библиотеки канд. истор. наук В. М. Барашенков.

С докладом «Остромирово евангелие в Публичной библиотеке (150 лет хранения и изучения)» выступил хранитель Остромирова евангелия канд. филол. наук Н. Н. Розов (Публ. биб-ка). Он остановился на обстоятельствах нахождения Остромирова евангелия и первых публикациях о нем. Основная часть доклада была посвящена фактам, связанным с изучением Остромирова евангелия в Публичной библиотеке. В связи с докладом на выставке экспонировались хранящиеся в Отделе рукописей библиотеки первая рукописная копия с Остромирова евангелия. Она была выполнена неизвестным лицом и, по мнению докладчика, относится к первым годам изучения Остромирова евангелия (1806—1808 гг.). Эта рукопись лист в лист, строка в строку, слово в слово передает текст Остромирова евангелия и является в известной степени научным трудом: во многих листах копии приведены разночтения с Полоцким евангелием XIV в. Докладчик осветил деятельность хранителей Отдела рукописей А. И. Ермолаева, А. Х. Востокова и А. Ф. Бычкова в связи с изучением Остромирова евангелия, указал на огромную положительную роль в развитии русской археографии директора Публичной библиотеки А. Н. Олешина — зачинателя изучения Остромирова евангелия. Далее Н. Н. Розов остановился на истории и значении различных изданий Остромирова евангелия. В заключение докладчик кратко осветил историю изучения Остромирова евангелия лингвистами во второй половине XIX в. и первой четверти XX в.

Доклад «Реставрация Остромирова евангелия» сделала старший библиотекарь Е. Х. Трей (Публ. биб-ка). В конце 1954 г. дирекция библиотеки, сказала она, приняла решение о реставрации евангелия. Все реставрационные работы были выполнены собственноручно Е. Х. Трей. Докладчик сообщила, что пергаменные листы рукописи были сильно покороблены в разных направлениях и за 900 лет существования ее загрязнены, особенно в нижних углах. Перед реставрацией были проведены консультации со специалистами разных областей, в том числе с историками искусства и специалистами по обработке кожи. Учитывая величайшую ценность памятника и желая сохранить его и на будущие столетия, реставратор решила отказаться от применения химических веществ для размягчения пергамена и удаления гриза и восковых пятен, поскольку действие химикатов не проверено во времени. Для размягчения и расправления пергамена были использованы только дистиллированная вода и пресс, а для очистки — мягкая резинка и белычя кисточка. Доклад Е. Х. Трей вызвал большой интерес у присутствующих. Лица, знавшие состояние рукописи до реставрации, выразили в прениях благодарность Е. Х. Трей за любовно и бережно сделанную работу.

В докладе «Остромирово евангелие как памятник искусства» канд. искусствоведения А. Н. Свирип (Гос. Третьяковск. галерея) охарактеризовал миниатюры

и уникальный орнамент Остромирова евангелия. Докладчик указал, что первая из миниатюр (Иоанн) принадлежит дякону Григорию. А. Н. Свириг описал манеру письма инициалов Остромирова евангелия и осветил происхождение составляющих их тератологических и антропоморфных элементов. Особо остановился докладчик на одном изображении (лист 66 об.) крылатого существа, которое, по его мнению, напоминает сенмурва — существо иранской мифологии, широко представленное в древнеиранском искусстве. К сожалению, в докладе не было уделено достаточного внимания типичным чертам орнамента Остромирова евангелия, продолжающимся в орнаменте и последующих древнерусских рукописей. Между тем этот вопрос имеет значение не только для истории русского искусства, но и для изучения самого Остромирова евангелия: возможно, что сравнительный анализ его орнамента позволит в дальнейшем установить точно место создания памятника.

В докладе «О календаре Остромирова евангелия» канд. филол. наук Н. А. Мещерский (Карельский пед. ин-т) дал анализ месящеслова Остромирова евангелия с точки зрения его состава и происхождения. Докладчик отметил, что неподвижная часть чтений рукописи имеет много своеобразного и позволяет определить время создания той редакции, к которой принадлежал один из промежуточных списков — предшественников Остромирова евангелия. Н. А. Мещерский установил, что в основу месящеслова Остромирова евангелия положен константинопольский церковный календарь, составление которого относится к периоду между 828 и 846 гг. [в нем отмечен день памяти смерти константинопольского патриарха Никифора (828 г.), но не отмечен день памяти перенесения его мощей (18 мая 846 г.)]. То обстоятельство, что отдельные памяти в месящеслове Остромирова евангелия указаны по два раза, свидетельствует об использовании разных источников, послуживших для его составления. Выявив некоторые элементы латинифильства в месящеслове, докладчик указал, что в нем отмечен день памяти смерти Кирилла (869 г.), но нет памяти смерти Мефодия (885 г.). То, что римские памяти, имеющиеся в месящеслове, связаны именно с этим отрезком времени, заставляет признать одним из источников рассматриваемого месящеслова список, относящийся к 869—885 гг. Наряду с этим Н. А. Мещерский на основании памяти «Григора епископа Мусии» (8 января) и неправильного перевода слова *ῥαυτὸς* при имени императора Константина (21 мая) установил существование промежуточного списка, восходящего к Болгарии начала XI в. Исследование Н. А. Мещерского имеет большое значение для истории славянского текста евангелия и, видимо, еще привлечет к себе внимание ученых, занимающихся историей первых переводов.

По докладу Н. А. Мещерского выступил проф. В. А. Мошин (Загреб). Высоко оценив достоинства доклада, он остановился на истории русско-балканских культурных связей. В. А. Мошин считает, что в период с конца XII — начала XIII вв., когда на Балканах в связи с антибогомильской инквизицией была уничтожена почти вся старая каноническая литература, южные славяне стали ее брать на Русь. Началась мощная волна русского влияния на Балканы, о чем свидетельствует наличие в списках южнославянских месящеслов имен русских святых и дат, связанных с событиями на Руси.

Канд. педагог. наук А. С. Львов (Ин-т языкознания АН СССР) прочел доклад «Особенности лексики Остромирова евангелия». А. С. Львов подверг детальному разбору большое число слов Остромирова евангелия в сравнении с соответствующими словами других, собственно старославянских, памятников. А. С. Львов отметил, что Остромирово евангелие как апракос сохраняет в своем словарном составе следы древнего перевода, в то же время имея много общего и с Саввиной книгой. Один из списков, предшествовавших Остромирову евангелию, был отредактирован в Симеонову эпоху.

Редактирование заключалось в сверке с греческим оригиналом, пополнении (по сравнению с Ассеманьевым евангелием) по славянским тетраевангелиям и в устранении синонимических пар, передававшихся в первых переводах тонкие различия одного и того же греческого слова; кроме того, были устранены слова, имевшие в восточной Болгарии иное значение, чем в первом переводе, лучше других сохранившемся в Ассеманьевом евангелии. На русской почве текст южнославянского оригинала, который в основном использовал дякон Григорий, редакторской сверке не подвергался. В заключение А. С. Львов сделал вывод, что при внимательном изучении всех текстов евангелия можно более или менее точно восстановить текст первого перевода и дальнейшие видоизменения этого текста в процессе последующей сверки с греческими оригиналами. В докладе была сделана попытка произвести анализ семантических различий лексических параллелей.

Проф. В. А. Мошин в своем выступлении сообщил, что разночтения, имеющиеся в Остромировом евангелии, свойственны также и Македонскому евангелию XI в. Остановившись затем на истории евангельского текста, он отметил, что этот вопрос все более усложняется. Ассеманьево евангелие во всяком случае не перелает первый перевод. В. А. Мошин дал краткую характеристику южнославянских текстов; он остановился также на изучении проблемы первых переводов и их истории в Чехословакии и Югославии.

Канд. педагог. наук Е. Э. Гранстрем (Публ. биб-ка) в своем выступлении указала, что для сличения со славянскими переводами ни в коем случае не следует пользоваться греческим текстом, подобранным А. Х. Востоковым специально к своему изданию из разных источников. При сравнении славянских текстов с византийскими нужно принимать во внимание разные редакции последних и разночтения, которые в них имеются. Греческий апракос как предмет культового ритуала был канонизирован раньше, чем тетраевангелие, что подтверждается особенностями оформления и письма тех и других рукописей. Отметим, что наши ученые не ориентированы в литературе по истории и критике канонических текстов и это вредно отражается на исследовательской работе. Е. Э. Гранстрем призвала покончить с недооценкой изучения этой литературы.

Канд. филол. наук А. В. Позднеев (Моск. заочн. пед. ин-т), показав на примерах из песенников XVII—XVIII вв. постепенную руссификацию текста польской песни, призвал осторожнее строить заключения о редакциях на материале лексических разночтений, так как могла иметь место лишь постепенная болгаризация евангельского текста, которой, возможно, и объясняются указанные А. С. Лывовым лексические изменения.

В докладе канд. филол. наук Л. П. Жуковской (Ин-т языкознания АН СССР) «Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия» отмечалось, что в Остромировом евангелии еще имеется много материала для постановки и решения ряда вопросов — а) исторической фонетики: о наличии и качестве отдельных фонем (например, [ý], [i], [ü], [ä], [l], [r] и др., о соотношении их между собой (например, [l], [ll] — [l'] — [l̥], [n] — [n'] — [n̥] и др.); б) морфологии: о путях перехода склонения в зависимости от звукового типа основы к склонению по грамматическому роду, о соотношении форм род. и вин. падежей, территориальной и временной локализации отдельных форм (например, вин. падеж ед. числа с окончанием -е вместо -ь в словах жен. рода с основой на согласный; окончания -и или -ии. ихъ или ихъ' и т. д. во мн. числе имен прилагательных вместо -еи, -еихъ и т. д. других памятников; формы без окончания в 3-м лице глаголов, и др.); в) синтаксиса: о синтаксических единицах, отделенных знаками препинания или раздельным написанием, и др., а также г) лексики. Дальнейшее изучение языка и письма Остромирова евангелия нужно проводить новыми методами. Путем только поисков «отклонений» вряд ли могут быть получены новые результаты. При решении вопроса о диалектной принадлежности пислов Остромирова евангелия нельзя упускать сходства некоторых черт графики и орфографии этого памятника и некоторых новгородских берестяных грамот.

Остромирово евангелие в сопоставлении с другими древними памятниками позволит определить старые школы письма, а сравнение его с аналогичными старославянскими и древнерусскими списками евангелия должно сыграть важную роль для установления границ разных переводов евангельского текста, характера последующих редакторских изменений, а также времени и территорий, где они были произведены. После установления этих фактов славяноведение получит важный материал для определения относительной и — что особенно важно — абсолютной хронологии и понимания сущности древнейших фонетических и грамматических процессов, происходивших в славянских языках и диалектах.

На заключительном заседании в прениях выступили: Н. А. Метерский, Д. И. Арсенишвили (Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева, Москва), канд. филол. наук Г. Ф. Нефедов (ЛГУ), канд. искусствоведения О. И. Подобедова (Ин-т истории искусств АН СССР). Итоги юбилейной сессии подвел в своем выступлении зав. отделом рукописей Публ. библиотеки канд. педагог. наук С. М. Бабинцев. Участники сессии было принято решение просить Министерство культуры СССР принять меры для издания Остромирова евангелия.

Л. П. Жуковская

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В области языкознания научно-исследовательская работа Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР ведется по проблемам: таджикского языка, тибетского языка и сравнительно-исторической грамматики иранских языков.

Изучение таджикского языка включает в себя разработку научной грамматики современного таджикского литературного языка, исторической грамматики, диалектологии и таджикской лексикографии. Опубликована «Грамматика таджикского языка. Часть I. Фонетика и морфология», под ред. акад. Б. Ниязмухамедова и канд-ов филол. наук Ш. Ниязи и Д. Таджиза. В составлении «Грамматики» принимали также участие чл.-корр. АН Таджикской ССР М. Ф. Фазылов, канд-ты филол. наук Р. Л. Немецова, С. Д. Арзуманов, А. З. Розенфельд, Х. Каримов и науч. сотр. Д. И. Эдельман. «Грамматика», предназначенная в качестве учебника для вузов